Евгеній Курловъ.

ПОЛЫМЯ.

МОСКВА—1915.

Евгеній Курловъ.

ПОЛЫМЯ.

Послѣсловіе къ Пророку, дерзновенно созданное человѣкомъ настоящаго, смиренно посвящаемое Человѣку Будущаго.

МОСКВА—1915

Издано кн.-издательствомъ „Жатва“, на правахъ рукописи.

Изданіе нумерованное №.....

1603/3966

Типографія В. И. Воронова. Моховая, д. кн. Гагарина.

ВВЕДЕНІЕ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ напечатанъ Пророкъ.

Большинство прошло мимо него, его не поняли. Въ меньшинствѣ же книга вызвала и вызываетъ до сихъ поръ—до сихъ поръ я не перестаю получать отдѣльныя письма и запросы по поводу тѣхъ или другихъ страницъ Пророка—настолько противоположенные толки, что я счелъ необходимымъ выпустить это послѣсловіе.

Ближайшая задача Полымя, такимъ образомъ — выяснить, освѣтить ученіе Пророка, расцвѣтить нѣкоторыя страницы его, и, простыя и доступныя, сдѣлать ихъ кромѣ того еще и яркими, и образными, реагирующими на умъ и чувства не только оддѣльныхъ людей, но людей вообще, очевидно проникающими за грань скрытаго, преобразить, зажечь огнемъ откровенное слово и еще разъ повѣдать его ищущимъ истины.

Авт.

ПОЛЫМЯ.

1.

Смотрите, смотрите во что обратился вашъ храмъ.

Народъ давно ушелъ—отчаявшійся и испуганный. Ваши молитвы не болѣе, какъ пустые звуки, а жертвоприношенія ваши обрядъ лживый и суевѣрный.

И жестокій, потому что, для умилостивленія своихъ фантастическихъ боговъ, вы убиваете души и тѣла вѣрующихъ, вы живыхъ людей калѣчите, и сжигаете на медленномъ огнѣ ихъ свободныя мысли и лучшія побужденія.

И все-таки вы не убили мысли!

И все-таки, въ страшную минуту, ваши боги оставили васъ.

Бѣгите, недостойные жрецы.

2.

Полымя охватило землю.

Грозное и безпощадное, въ неисчислимомъ множествѣ сверкающихъ языковъ.

Острыхъ языковъ.

Жалитъ и лижетъ землю и все, что живетъ на ней, безобразитъ и украшаетъ ее.

Дальше и дальше ползетъ, раскаленными струйками изви-

вается, красными шарами катится по гладкому полю. За людьми гонится.

Настигаетъ людей разъяренное полымя.

Готовьте встрѣчу.

3.

И встрѣчали.

Одни...

Ихъ утомила мелочность жизни, пошлость повседневныхъ ощущеній, будни труда. А силъ въ груди были дѣвственныя залежи, а мысль искала подвиговъ.

Давила клѣтка.

И ломали ее, и бросались въ полымя, въ титаническій прыжокъ выливая запасъ накопившейся энергіи.

И гибли—неузнанные и безумные...

Встрѣчали другіе.

Усталыя лица, слабыя тѣла, тяжелыя ноги отличали ихъ въ широкой толпѣ.

Все равно—погибать или жить: мы устали.

Надвигается полымя, а они остаются на своихъ насиженныхъ мѣстахъ, даже не пробуютъ спастись.

Рано или поздно—не все ли равно?..

И третьи—видѣли опасность, сознавали неминуемость гибели.

Шумно играла музыка. Вино наполняло чаши, красный свѣтъ заливалъ вычурные узоры ковровъ. И сплетались въ сладострастныхъ движеніяхъ обнаженныя тѣла.

Послѣдняя оргія!..

Съ отчаянными лицами призывали имя невѣдомаго промыслителя четвертые.

Милились горячо и истово, иступленно ревѣли, заклинали небеса и требовали спасенія. Пытались оградить себя священными знаменіями и талисманами и, ограждаясь, погибали.

И жизнь шла...

Работали пчелы надъ добываніемъ насущнаго хлѣба.

Трутни пользовались ихъ трудомъ и, силой, отдѣляли себѣ лучшіе куски.

Царствовало золото, торжествовала власть.

Сильный издѣвался надъ слабымъ, въ вихрѣ предсмертной пляски стараясь не замѣчать, а порою и дѣйствительно не замѣчая, что его собственные дни сочтены.

И полымя двигалось.

4.

— Я спасу человѣчество!

Кто онъ, произнесшій это слово? Наглый шутъ или убѣжденный апостолъ истины?

Его лицо было прекрасно и жизнерадостно, глаза веселы, поступь дерзка и увѣрена. Грозди винограда украшали пышные волосы. Стройное мужественное тѣло было обнажено.

Онъ беззаботно плясалъ, держа въ рукѣ чашу, полную виноградnаго сока, и пилъ изъ нее страстно и алчно.

Пѣлъ.

И—къ вожделѣнію и празднику звала похотливая и увлекающая пѣснь.

Зажигали сердца сладострастные звуки, и много юношей и дѣвъ, много женъ и мужей, матерей и старцевъ собирались вокругъ обольстительнаго пѣвца.

Пѣли и плясали толпой, и упивались дурманящимъ сокомъ и въ сладострастное мгновеніе превращали безконечные годы томительной жизни.

Праздновали и утомлялись празднествомъ.

Многіе оставались позади.

И было видно, какъ новый апостолъ шелъ, уже окруженный только небольшимъ количествомъ вѣрныхъ.

Міръ ждалъ другого.

И пришелъ.

Духъ отъ плоти человѣческой, порожденіе больного рабьяго воображенія.

Съ бурей и грозой соединилъ свой грозный приходъ.

Жертвенниками повелѣлъ украсить свой путь. Объявилъ себя царемъ вселенной. Свободнаго человѣка претворилъ въ раба.

И, въ порывѣ дикаго фанатизма, ринулись къ нему обезумѣвшіе люди.

Безобразной и грязной толпой ринулись.

Испугались радостей жизни и требовали себѣ муки!...

А за нимъ слѣдовалъ третій.

Изможденный, въ изорванной багряницѣ, съ ослабѣвшимъ подъ пыткою тѣломъ.

Пастушескій посохъ въ рукахъ, маленькая шапочка.

И два глаза.

И кто смотрѣлъ въ эти глаза, кому удавалось разъ взглянуть въ нихъ, не уходилъ изъ подъ ихъ вліянія.

Они преслѣдовали его сладкимъ и неумолимымъ кошмаромъ.

Они обѣщали ему блаженство, котораго до сихъ поръ не испытывалъ ни одинъ человѣкъ, потому что оно лежало внѣ человѣческой природы, потому что дать его не могло ни одно изъ человѣческихъ чувствъ.

И за призрачное блаженство, за миражъ блаженства, онъ властно и неизмѣнно требовалъ отреченія отъ всего человѣческаго.

Онъ звалъ къ духовному подвигу, и въ средствахъ осуществленія его былъ цѣленъ и безжалостенъ.

Всякое проявленіе свободной плоти разсматривалось какъ соблазнъ, съ которымъ требовалась самая ожесточенная борьба,

хотя бы для этого пришлось отрѣзать собственную руку, и собственный глазъ вырвать изъ орбиты.

Огненными, кровавыми терніями былъ уложенъ путь царственнаго вождя. Путь къ достиженію, при посредствѣ реальной, братской любви, фантастическаго, неосуществимаго царства.

Мечта уничтожала дѣйствительность.

Любовь, и не взятая широко—всеобъемлющая міровая любовь, а только ея отдѣльнсе проявленіе, въ формѣ незлобливости людей по отношенію другъ къ другу, сострадательности и милосердія, и то лишь какъ средство, а не какъ цѣль — такой лозунгъ не могъ привести человѣка къ рулю мірозданія.

И все-таки массы пошли за нимъ, за его чарующимъ призракомъ, за его умиротворяющимъ и облагораживающимъ душу ученіемъ.

6.

Онъ прошелъ, но милліоны его послѣдователей остались въ мірѣ, каждый по своему толкуя его ученіе.

Рабы и князья жизни.

Кроты и соколы.

Сѣрая моль и ослѣпительно бѣлая бабочка.

Грязная нежить и любящія дѣти солнца.

Предатели и мученики.

Предатели гнались за мірскими выгодами, продавались за деньги и торговали священнымъ словомъ завѣта. Вѣковую ложь облекали въ сверкающую ризу правдиваго ученія. Въ заплеснѣвѣлые сосуды лили молодые, благоуханные напитки.

Мученики, шагъ за шагомъ, создавали новое, заповѣдное царство всесвѣтной любви.

Они перенесли его съ призрачнаго неба на твердую землю, фантастическое сдѣлали осуществимымъ.

Ихъ было много.

Они шли десятки вѣковъ—фанатики, безумные, исступленные, презирающіе жизнь, сильные непоколебимостью своей вѣры.

Въ богатыхъ одеждахъ и рваныхъ рубищахъ, въ раззолоченныхъ тогахъ, въ латахъ и панцыряхъ, въ бархатныхъ баретахъ и шитыхъ кафтанахъ, въ сверкающихъ мундирахъ и суконномъ платьѣ свободнаго покроя.

Терновые вѣнцы и бѣлыя повязки украшали ихъ голову; красныя ленты и грубыя веревки обвивались вокругъ шеи.

Въ саванахъ, въ бѣлыхъ саванахъ двигались торжествующія и ужасныя полчища.

Поражали словомъ и мечомъ, вдохновенной мыслью и отравленнымъ порохомъ.

Чудеса творили.

Ненависть и месть заставляли служить благодатному дѣлу любви.

У красныхъ фонарей совершали изступленныя молитвы. Себѣ молились. Кумиру самоотреченія приносили себя въ жертву.

Въ предсмертныхъ мукахъ извивались у его холодныхъ, безчувственныхъ ногъ.

И шли, шли озаренные закатнымъ багрянцемъ...

Совы бѣжали отъ утренняго свѣта.

Ряды предателей рѣдѣли.

Кроты уходили въ норы.

Грязная моль погибала въ голодныхъ корчахъ.

Рабы сдавались, падали передъ долготерпѣливымъ торжествомъ любвеносцевъ.

И только необъятное полымя не знало страха.

Неумолимое и всекрушащее подвигалось оно впередъ—безразличное къ добру и злу, къ красотѣ и безобразію, къ ненависти и любви, одинаково смертоносное для кротовъ и соколовъ.

Оно сводило на нѣтъ вѣковую работу мучениковъ—строите-

лей, разоряло свѣтлое зданіе ихъ грядущаго новаго царства, подтачивало міръ въ самомъ его основаніи.

Жизнь человѣка дѣлало безсмысленной и безцѣльной.

И гибли въ немъ сотни и тысячи жизненныхъ бойцовъ, каждый день, каждый часъ—безостановочно, безслѣдно.

Люди гибли.

Гибли сознательно, во всеоружіи, въ отчаянной схваткѣ съ врагомъ, и гибли, не видя врага, не отдавая себѣ отчета въ его близости и мощи, не желая понять всей опасности разъяреннаго огненнаго чудовища, погруженные въ свои мелкія дѣла, низменные счеты и распри.

Люди гибли!

И не было выхода.

Смерть, смерть кругомъ.

Черныя пространства безъ воздуха, черные шары удушливой копоти, черныя тѣни.

Тянутся безконечныя руки, настигаютъ, схватываютъ.

Безноготныя, безпалыя.

Бѣжать!.. Некуда.

Жить!—Не стоитъ.

Не родиться, вернуться въ утробу матери, ускрыться въ ея потайномъ хранилищѣ!—Нельзя.

Я.

I.

Испокон вѣковъ, брошенный безпощадной рукой въ самыя нѣдра земли, придавленный тяжестью земной коры, тяжестью каменныхъ горъ и непроницаемыхъ ледяныхъ глыбъ, лежалъ я и задыхался.

И не могъ задохнуться.

Длинныя ноги были отдавлены, грудь сплюснута, застывшія руки недвижимы.

Только духъ жилъ, только мыслъ работала.

Исполинскіе узоры чертила въ безграничныхъ пространствахъ, обнимала міры, проникала въ заповѣдныя тайны.

Жила.

Засыпала минутами—утомленная, погружалась въ безсознательность, и опять оживала—язвящая и проникновенная.

Но тѣло болѣло. Физическія муки связывали.

И, въ одинъ изъ величайшихъ духовныхъ подъемовъ, когда міровая тайна казалась обнажившейся, безграничность измѣренной, а стихія порабощенной, когда сѣдая борода разбитаго гиганта жалкой, вытертой тряпкой болталась въ моей рукѣ, и самъ онъ, старый и сгорбленный, съ посинѣвшимъ, поджарымъ тѣломъ и большимъ уродливымъ животомъ корчился подъ ударами фантастической плети и жалобно вылъ о пощадѣ—мое я отдѣлилось отъ меня и пошло въ міръ.

Гордый, огромный человѣкъ вышелъ въ міръ, вышелъ изъ нѣдръ земли, чтобы побѣдить небо.

— Подними рычагъ—еле звучалъ ему вслѣдъ мой глухой, измученный голосъ. Подними рычагъ.

Но спасительный рычагъ былъ невидимъ. Тонкая паутиновая проволока скрыта между грубыми материковыми глыбами.

Надо было острыми искусными пальцами раздвинуть сплоченную массу, тонкими щупальцами уловить едва осязаемое.

Щупальцами все той же мысли, мысли паука, мысли искушеннаго звѣря, движущимся комкомъ нервнаго волокна.

Позвонки сломать, мозгъ обнажить, отточеннымъ крючкомъ зацѣпить за нервный узелокъ и вытянуть его — живой, трепещущій.

О необъяснимое страданіе! О радость свѣтлаго обрѣтенія!

И онъ шелъ, шелъ впередъ—неизмѣримый человѣкъ, мое я.

Къ силѣ, къ свѣту, къ освобожденію.

Къ небу! Чтобы опрокинуть это заносчивое, это надоѣвшее небо.

И тѣло попрежнему болѣло.

— Подними рычагъ!

2.

Я слѣдилъ за нимъ.

Мой взглядъ острымъ солянымъ растворомъ прожигалъ твердую корку материка, дѣлалъ ее прозрачной, сквозной, и я видѣлъ, все видѣлъ.

Я радовался его успѣху, его возвеличенію.

А каждый его промахъ заставлялъ мои обнаженные нервы болѣзненно сокращаться.

И я страдалъ неизъяснимо.

Я видѣлъ его — лучезарнаго, въ бѣлой одеждѣ, въ черной одеждѣ, усыпанной сверкающими звѣздами...

Столъ.

Гигантскихъ размѣровъ труба.

Куполъ неба надъ головой—звѣзднаго, вечерняго неба.

Неба—врага, неба—неразгаданнаго ненавистника.

Смотритъ и чертитъ.

Чертитъ и вычисляетъ.

Разгадываетъ сложныя построенія при помощи простыхъ вычисленій.

Линіи на небѣ, линіи на бумагѣ.

Отъ звѣзды къ звѣздѣ проведены черныя магистрали.

Сѣткой оплетено небо, сѣткой окутана земля.

Обозначенное въ безграничномъ пространствѣ точно обозначено на ограниченномъ чертежѣ.

Съ внѣшняго сдернуто покрывало. Казавшееся тайной стало доступно многимъ.

Нутро, нутро только попрежнему скрыто.

— О когда же ты вскроешь нутро!

3.

Вскрываетъ, вскрываетъ!

Нѣтъ, только подготовляется къ вскрытію.

О нажми, рычагъ, дай мнѣ вздохнуть свободнѣе, пошевельнуться, чтобы яснѣе видѣть твои творческія начинанія.

Ты забылъ обо мнѣ.

Нѣтъ! Нѣтъ!

Опутали, опутали.

Съ чертежей перевели на землю.

Уже не воображаемыя линіи—желѣзные пояса.

Опоясали землю.

Двойнымъ поясомъ опоясали.

Маленькіе люди—черные, загорѣлые. Комки колоти съ свѣтящимися зелеными глазами.

Катятся.

Четыре колеса выковали. Водрузили на нихъ большой чанъ съ водой.

Закрыли чанъ. Подъ водой огонь развели.

Закипѣло неугомонная и пошла бурлить.

Бьетъ ключомъ объ чугунныя стѣнки.

Наружу рвется и гонитъ, гонитъ колеса по безконечной черной колеѣ.

Дорогу! Человѣкъ ѣдетъ.

4.

Мало, мало этого.

Снова запрыгали юркіе шарики. Комочки копоти съ свѣтящимися зелеными глазками.

Острые клинья вонзили въ сырую землю.

Тонкими нитками ее обвили. Мѣдными нитками.

Голосъ по ниткамъ пускаютъ.

И летитъ голосъ изъ одного мѣста въ другое, черезъ далекія земли, черезъ широкія моря летитъ. Въ горы поднимается, въ нѣдра земли проникаетъ.

И хоть живутъ далеко и не видятъ другъ друга — а, только захотѣли, и перекинулись словомъ.

Тише! Люди переговариваются.

5.

— Нажми рычагъ.

Вижу, вижу тебя, гордаго владыку.

Осіянный мудростью, опоясанный трудомъ, въ вѣнцѣ гордаго знанія, ты стѣну изъ гранитныхъ плитъ воздвигъ у морского берега.

И глупое чудовище бьется объ нее своими волнами безсмысленно и безцѣльно, разбивая ихъ упрямыя пѣнистыя головы.

Разбиваетъ, и опять лѣзетъ, движимое стихійной тупостью, не смѣя нарушить естественнаго закона.....

Ты гигантскими руками берешь непроходимыя болота и выжимаешь изъ нихъ воду.

Лѣшіе и русалки-болотницы стонутъ въ предсмертныхъ судорогахъ.

Жерло раскаленнаго орудія противоставляешь губительной ледяной тучѣ, и огнемъ и грохотомъ заставляешь грознаго звѣря вылиться въ жалкую водяную струйку.

Но рука твоя еще не разошлась. Идея творчества только едва коснулась твоего безграничнаго интеллекта.

Ты стоишь на распутьи.

Верстовые столбы, дорога.

Дорога, верстовые столбы.

Ряды верстовыхъ столбовъ. Одинъ другого выше, одинъ другого неумолимѣе.

Все шире, все необъятнѣе дорога.

Охвати!..

Поворотъ отъ земли къ небу, отъ раба къ господину, отъ человѣка къ богу.

Иди, иди же!

Пора начинать.

Я толкаю тебя.

Раздавленный титанъ, униженный богъ — я зову къ отомщенью.

Въ пропасть! Сюда! Въ старую оболочку, въ мое изстрадавшееся тѣло!

Иди... къ побѣдѣ!

Къ побѣдѣ! Конечно, къ побѣдѣ!

Я вижу—тысячи радугъ свѣтятся въ сгустившихся облакахъ, багряныя зори, пояса изъ ивановыхъ червяковъ.

Слышу мелодичный звонъ ландышей.

Ночныя фіалки—страстнымъ, одуряющимъ ароматомъ зовутъ на брачное ложе.

Пьяныя пятна!

Гномы, гномы поютъ свою баюкающую колыбельную пѣсню.

Царственный соколъ взвился въ небеса.

Шаловливая лѣсная дѣвочка, жаркимъ, обманнымъ поцѣлуемъ обожгла щеку.

Иди! Иди! Я толкаю тебя.

Не его сѣрая неумолимость восторжествуетъ—побѣдитъ твоя сказка, твое созданье, твоя яркая вѣковая пѣсня, твое отъ твоихъ лучезарныхъ дѣтей!

ПЕРВЫЕ РОДЫ.

Новая шалость или серьезная проба назрѣвающихъ силъ?

Изъ глубины земли ты извлекъ кусокъ металла и унесъ его въ потаенную комнату.

И спрятался.

Что ты съ нимъ дѣлаешь, не знаю. Только чувствую, что работа твоя огромна.

Безпрерывная вакханалія мыслительныхъ клѣтокъ.

Чудовищная потуга—болѣзненная и грозная.

Еще, еще потуга.

Твои мускулы напряжены, духовный взоръ возбужденъ и сосредоточенъ.

Каждый спазмъ ударяетъ по моимъ нервамъ—острымъ рефлексомъ, мучительной болью.

Чувствую, все чувствую.

Ай! Ай!

Что-то шевелится во мнѣ, въ тебѣ шевелится.

Бьется внутри тебя безпокойно и властно.

Плодъ! Первый плодъ!

Живой плодъ, терпѣливо выношенный тобой, вскормленный твоими соками, сложившійся и созрѣвшій въ безграничныхъ нѣдрахъ твоего духовнаго организма.

Муки первыхъ родовъ! Сладостныя и томительныя.

Страшныя неизвѣстностью своего исхода, сладостныя сознаніемъ своего мірового значенія.

Мрачные, ползучіе, ночные туманы и весело играющіе въ небесахъ свѣтлые вѣстники лучезарной денницы.

Благословеніе и проклятіе.

Дѣвственная чистота и физическое отвращеніе.

Струи мученической, всеомывающей крови.

Разрѣшается, разрѣшается!

Голова показалась, руки... Рѣзкій голосъ смутилъ тишину.

Смотрите! Смотрите, боязливые! Врагъ приближается. Мѣдь говоритъ.

Мѣдь говоритъ человѣческимъ языкомъ, мѣдь поетъ человѣческимъ голосомъ.

Живое, человѣческое слово извергаетъ мертвый языкъ.

Единое начало въ природѣ возстановлено; казавшееся мертвымъ пріобщается живому.

Послушное человѣческому велѣнію—съ бездушнымъ чудесно соединяется одухотворенное.

Но мало, мало этого.

7.

— Ты отдыхаешь... Ты создалъ себѣ забаву.

Летаетъ птица, пестрая бабочка летаетъ. Какъ же тебѣ не летать?

Ты захватываешь новую область—воздухъ. Всѣ части стихіи должны быть доступны тебѣ.

Каркасъ невиданной птицы... Нѣсколько палочекъ, обтянутыхъ полотномъ. Моторъ въ серединѣ.

И плавно поднимается царственный поѣздъ, паритъ въ воздухѣ, касается недостижимыхъ высотъ.

8.

Солнце вверху. Одно.

Безъ опредѣленной мысли, случайно зажженное, оно когда-нибудь, также случайно можетъ погаснуть.

И медленное угасаніе уже начинается.

Чаще и гуще кажутся зловѣщія черныя пятна на его лучезарной поверхности.

Въ будущемъ, овладѣвъ началами міросданія, ты конечно властно остановишь губительный процессъ.

А пока опасность далеко, ты, искусными приспособленіями, улавливаешь свѣтовую и согрѣвающую силы природы и, при помощи ихъ, внизу, у себя на землѣ, зажигаешь тысячи солнцъ, тоже яркихъ, тоже пылающихъ.

Непроглядныя ночи, ужасы длительнаго чернаго мрака становятся пережиткомъ отошедшихъ временъ.

9.

— И все-таки рычагъ неподвиженъ.

Ты не можешь оживить мертвой матеріи. Тайна жизни скрыта отъ тебя.

Обманъ!

Я буду лежать такъ вѣчно, вѣчно буду томиться неподвижностью и безсиліемъ.

Мысль будетъ рваться къ недоступному, а жалкія силы разбиваться о роковое препятствіе.

Тонконогій комаръ на неумолимой булавкѣ естествоиспытателя!..

Неужели?

Но нѣтъ, нѣтъ.

Это только такъ... Жалкая и проходящая тѣнь отчаянія.

Случайныя колебанія, упорно идущаго къ ясному барометра. Минутная передышка на утомительномъ пути.

Ты бодро вспрыгнулъ на ноги, поднялъ трость, вскинулъ дорожный мѣшокъ и пошелъ.

Пошелъ, одухотворенный мыслью о славной конечности труднаго подвига.

Въ сѣрой рабочей блузѣ, съ закинутой назадъ шапкой черныхъ волосъ, улыбающійся и сосредоточенный.

Такимъ, такимъ вижу тебя—неутомимаго труженика, просвѣщеннаго труженика, труженика-генія, озареннаго сверкающимъ пламенемъ творческаго экстаза...

Комната уставлена множествомъ приборовъ, трубокъ, бутылокъ.

Удивительное стекло.

Маленькій камешекъ подъ нимъ.

Излучаетъ... Излучаетъ...

Схватилъ!. Схватилъ!

Она въ рукахъ—безпрерывная жизненная энергія, могущественный ключъ къ творчеству.

Жизненный импульсъ.

Міроздатель.

Идолъ, грозный идолъ—подъ стекломъ, подъ твоимъ созданіемъ, подъ разумнымъ изобрѣтеніемъ твоихъ отдаленныхъ предковъ.

Мнѣ легче! Легче!

Ты вѣрно нащупалъ рычагъ, ты надавилъ его.

Я вздохнулъ полной грудью.

Дышу, дышу!

10.

— Что ты дѣлаешь?

Ты разрушаешь атомъ, но уже не при помощи медлительнаго радія, на нѣсколько вѣковъ распредѣляющаго свою сокрушающую энергію; ты нашелъ иныя средства, чтобы сосредоточить въ своихъ приборахъ запасы колоссальной энергіи.

Яркими, убійственными огнями вспыхиваютъ въ маленькихъ сосудахъ разрушающія силы природы, собранныя твоими искусными руками.

Вспыхиваютъ и гаснутъ, послушныя твоей волѣ.

Царственный сынъ земли готовится къ страшному бою, вырабатываетъ послѣдній ударъ.

11.

Гордый и ничтожный деспотъ!

Ты хотѣлъ обезличить человѣка, навязавъ ему ярмо труда ради хлѣба.

Ты хотѣлъ, чтобы, снискивая себѣ этотъ насущный хлѣбъ, онъ весь ушелъ въ мелочи жизни. А тебѣ, тебѣ оставалось бы только издѣваться надъ своими креатурами.

Но креатура поднялась до создателя природы, стало надъ своей матерью.

Человѣкъ сбросилъ съ себя позорное ярмо. Собственными силами пересоздалъ жизнь.

Вопроса о снисканіи хлѣба для него уже нѣтъ. Овладѣвъ не только всѣми элементами жизни, но и ея импульсивной силой, онъ измѣнилъ физическіе законы. Онъ освободилъ себя отъ необходимости питаться грубыми продуктами земли, грязно перерабатывать ихъ и, деформированными и зловонными, отдавать землѣ обратно.

Его тѣло получило способность непосредственно изъ воздуха воспринимать азотистые и другіе, необходимые для питанія элементы, при помощи которыхъ и поддерживать въ себѣ жизненную силу.

И не размѣниваясь больше на мелочи, не ведя ничтожной борьбы за кусокъ хлѣба, который ему отнынѣ не нуженъ, онъ живетъ свободно и нравственно совершенствуется.

И поднимается выше тебя, и мощной рукой грозитъ небу.

И сила на его сторонѣ, потому что ты случаенъ, безсознателенъ и неосмысленъ, онъ—разуменъ.

Разгадавъ стихію, познавъ тебя, онъ раскладываетъ тебя на оперативномъ столѣ, острыми щипцами знанія разбираетъ по членамъ, и, изъ разобранныхъ частей, образуетъ новыя комбинаціи, болѣе совершенныя, и въ каждую изъ нихъ вкладываетъ смыслъ.

Дѣлаетъ осмысленными и полезными себѣ твои разрушительныя и часто губительныя силы.

Желѣзнымъ обручемъ сковываетъ тебя и подчиняетъ своему интеллекту.

Смотри, смотри!

Черная птица разрѣзала небеса.

Не кроткій, незнающій голубь—а властный, убѣленный сѣдиной воронъ.

Смотри. Въ густыхъ клубахъ жертвеннаго дыма появился посланникъ земли.

Багряной лентой опоясанъ вѣщій, созидающій духъ долготерпѣливаго человѣка.

Черныя кудри горящими змѣями разметались по тяжелымъ складкамъ кроваво-черной одежды. Вмѣсто щита, пылающая тысячью огненныхъ знаковъ—необъятная книга въ его рукѣ, вмѣсто меча—карающій языкъ безначальнаго слова.

Взглядъ его и грозенъ, и ласковъ. И плѣнителенъ, и страшенъ всепобѣждающими огнями разума, которые онъ излучаетъ.

Я люблю его—ты его ненавидишь.

Я молюсь ему—ты боишься его.

Онъ предвѣщаетъ конецъ твоего могущества, смѣну одного царства другимъ.

И не громогласной трубой, не рѣзкими звуками шумныхъ литавровъ возглашаетъ онъ наступленіе новаго міра.

Звуковая мечта, мелодичная краска отдаленной симфоніи, благоуханіе едва слышныхъ серебристыхъ полутоновъ, чарующими аккордами сопровождаютъ его побѣдное шествіе.

ПОБѢДА.

I.

— Еще! Еще!

Рычагъ подался. Вѣковая тяжесть сдвинута съ мѣста.

Неужели освобожденіе наступитъ?

Гнетъ безпрерывныхъ терзаній, мучительное сомнѣніе и ликующая надежда, и новыя сомнѣнія побѣжденнаго, обезцарственнаго царя, измученнаго пыткой, обезсиленнаго кандалами, говоритъ во мнѣ.

Но бодро отвѣчаетъ голосъ моего я:

— Титанъ, я возвѣщаю тебѣ освобожденіе.

— Подними же, подними же рычагъ! Нажми сильнѣе. Вотъ такъ!

Руки! Руки!

Я поднимаю руки.

Ноги... Колѣна сгибаются.

Еще одно усиліе...

Безумные хохоты грома пронеслись по горнымъ вершинамъ.

Своды мрачнаго купола пошатнулись.

Убійственными огнями, дикими стрѣлами молній засверкали черныя тучи.

Полосатая радуга разсыпалась по небу разноцвѣтными лентами.

Свивались и развивались, гигантскими гусеницами ползли,

шипѣли; сходились, образовывали зловѣщіе, призрачные узоры, и расходились—одинокіе и пылающіе.

Земля содрогалась.

Я согнулъ колѣна и сѣлъ.

Сѣлъ, потому что встать еще не могъ, потому что жилы были налиты свинцомъ, а черные пролежни, кровавыми, гнойными ранами, жгли тѣло.

— Легче ли тебѣ?

— Легче.

Неизъяснимыя муки искривляли лицо. Слабыя плечи изнемогали подъ тяжестью едва приподнятой земляной коры, но надежда оживала и примиряла съ мученіями.

— Нажми еще.

Напрасное усиліе.

Твой подвигъ не довершенъ.

Смотри—полымя пожираетъ людей.

Слышишь его трескъ, его опустошающій вопль? Вопль безумнаго торжества?

Стонъ животнаго вожделѣнья, отвратительная жадность пресыщеннаго.

Оно бросаетъ жертвы едва добитыми и ползетъ за новыми.

И ихъ сокрушаетъ окровавленнымъ ножомъ, и дальше, дальше несется въ бѣшеной вакханаліи.

Видишь его раскаленные языки?

Его смѣющуюся пасть?

Огромный животъ на карликовыхъ ногахъ?

— Животъ великана-людоѣда, акулы, удава.

Животъ чудовище, животъ самъ по себѣ, независимый организмъ, котелъ-автоматъ, тысячесильная машина!

Онъ перевариваетъ беззащитныхъ людей съ мясомъ, съ костями, съ нервами.

И только мозгъ, мозгъ остается неперевареннымъ.

Выбрасывается наружу при помощи особаго клапана. Образуетъ гору.

Несокрушимая, святая гора человѣческаго мозга!

Но вещество его лежитъ инертное. Недвижимая, обезсиленная масса.

Благородная масса, лишенная импульса, обезжизненная, запуганная случайнымъ, порабощенная необъяснимымъ.

— Потуши пламя и зажги мозгъ!

Потуши пламя и зажги мозгъ!

Я! Мое я! Слышишь ли ты мой призывъ? Мое повелѣніе?

Потуши пламя и зажги мозгъ!

2.

И, сидя уже, я смотрю, какъ, расправивъ утомленные члены и снова гордо поднявъ измятый въ борьбѣ, но еще цѣлый, окровавленный, но не заржавленный щитъ, человѣкъ пошелъ противъ стихіи.

— Куда? Куда ты идешь, бѣдный пигмей?

Полымя даже не смотритъ на тебя.

Оно пожретъ тебя, не замѣтивъ твоихъ усилій, не зная твоихъ дерзновеній.

Распростертыя ницъ лежатъ тысячи его жертвъ.

Милліонами труповъ уснащена земля.

Земля гніетъ и воняетъ.

И весной, когда снѣгъ таетъ и расплывается, и морозъ освобождаетъ ее изъ своихъ клещей—голодныя собаки собираются на кладбищѣ и роютъ падаль.

И пресыщаются.

И, пресыщенные, празднуютъ праздникъ самаго длительнаго, самаго щемящаго сладострастія.

Но и ихъ радость мимолетна, и ихъ похотливые инстинкты ограничены.

Гнетущимъ закономъ случайности, закономъ природы, случайнымъ закономъ насилія связаны ихъ свободныя тѣла.

И онѣ, и онѣ гибнутъ въ томъ же полымѣ...

Что ты передъ нимъ?.

Смотри. Красная медвѣдица идетъ на тебя.

Молись.

Молись всемогущему.

Падай, и погибай въ молитвѣ.

Или спасайся скорѣй отъ чудовища.

Укройся въ комнатахъ, пока оно по запаху не разыщетъ тебя и не прикроетъ своей скальпирующей лапой.

Укройся въ камышахъ.

Видишь озеро?

Озеро или болото.

Окруженная огоньками, яркими игрушечными фонариками, въ камышахъ лежитъ дѣвушка—полуженщина, полуребенокъ.

Хрупкое, тонкое тѣло обнажено.

Ноги разметались широко и призывно.

Длинныя бѣлыя руки небрежно закинуты за голову.

Нервно вздрагиваютъ бѣлыя упругія грудки.

Губы полуоткрыты для поцѣлуя, пульсируетъ голубая жилка на шеѣ.

Искрятся глаза въ предвкушеніи радости.

Возьми ее!.....

Но ты проходишь мимо.

Сосредоточенный на безграничномъ пространствѣ глазъ не разсѣивается мелкими перспективами.

Яркая мысль усиленно работаетъ въ одномъ направленіи.....

Сзади тебя идетъ юноша.

Онъ плаваетъ мельче, онъ накроетъ прелестную дѣвочку въ кустахъ.

Оглянись!

Онъ уже возлѣ нея.

Улыбаясь шепчетъ ей что-то, и она отвѣчаетъ ему—радостная и готовая.

Тронулъ ее за руку; она не отняла руки.

Ближе подвинулся къ ней, и она потянулась ему навстрѣчу.

Ихъ стройныя тѣла сомкнулись, сжались въ одну красиво-подвижную форму.

Слиплись въ сухомъ поцѣлуѣ раскаленныя губы, душистыя струйки встрѣтились въ сладострастномъ спазмѣ.

Красная медвѣдица близко.

Красная медвѣдица подходитъ къ нимъ.

Оглянись!

Она подняла свою безпощадную лапу. И они видятъ ее.

Они смотрятъ на нее съ ужасомъ, чувствуютъ приближеніе гибели, и... все-таки не бѣгутъ.

Отчего?

Нѣга разлилась по ихъ членамъ, сладостно ослабѣли ноги, отяжелѣвшія руки безвольно сплелись въ полудремотномъ объятіи.

Пусть гибель, пусть все, что угодно, только бы еще секунда, еще мигъ вожделѣннаго отдыха!

Да и что за польза была бы въ бѣгствѣ?

Такая же, какъ въ борьбѣ?

Все равно—смерть.

Ползетъ, поднимается, застилаетъ горизонтъ всесокрушающее полымя.

И только ты, маленькій, идешь на него.

Сидитъ старикъ съ огромной подзорной трубкой, считаетъ звѣзды, и, по ихъ теченію, хочетъ опредѣлить міровую судьбу.

Юноша, въ блестящихъ сосудахъ, съ торопливой страстностью смѣшиваетъ различныя химичечкіе элементы, составляя элексиръ жизни.

Съ безумнымъ взглядомъ, среднихъ лѣтъ человѣкъ, возбужденный и сосредоченный, силится проникнуть въ одухотворенную

жизнь окружающихъ насъ и намъ невидимыхъ предметовъ. Путемъ отвлеченныхъ умственныхъ выкладокъ и необоснованныхъ догадокъ старается перейти за грань потусторонняго. Истерическими криками и болѣзненными образами разстроеннаго мозга дополняетъ свои исканія.

Дородная баба и чахоточный рыжебородый профессоръ налегли на столъ и, въ отвѣтномъ трескѣ насилуемаго дерева, ищутъ тайну жизни.

И всѣмъ одинаково грозитъ красная медвѣдица.

Неучи и шарлатаны!

Назадъ!

Учиться!

Все бросить, и узкими тропами, путемъ кропотливой вѣковой работы, медлительно и благоговѣйно подступать къ священному храму истины.

Вы вышли въ бой съ непригодными средствами.

Царственный боецъ не возьметъ васъ въ свою дружину.....

Но долой, долой мертвый хламъ.

По мѣрѣ того, какъ ты приближаешься къ роковому полымю, ты дѣлаешься больше; ты уже не маленькое дитя смертнаго, ты напоминаешь изваяніе—холодное и неумолимое.

Твоя тѣнь, широкой и длинной полосой, легла на землю, и конецъ ея чуть-чуть прикрылъ пламя.

Ты застилаешь его.

Схватка! Схватка!

3.

Темно-зеленая, свѣтящаяся и чешуйчатая, змѣеобразная полоска показалась на востокѣ, проскользнула на западъ и разрѣзала небеса.

Взвился голубой звѣздный занавѣсъ, и сразу открылись неприступныя высоты Тибетскихъ горъ, Олимпъ и Араратъ.

Сѣдые и утомленные старцы появились на вершинѣ Олимпа.

На костяной остовъ, съ длинной и рѣдкой бородой походилъ могущественный когда-то Зевсъ.

Картонный жезлъ едва держался въ дрожащей отъ старческой слабости и пьянства рукѣ, голова тряслась, тускло и равнодушно глядѣли изъ покраснѣвшихъ, гноящихся вѣкъ глаза.

Всякое желаніе казалось угасшимъ, убитымъ полной импотентностью—физической и духовной.

Сверкавшій тронъ почернѣлъ.

Позолота мѣстами слѣзла, и обнаружился дешевый сплавъ прикрытый фольгой.

Старецъ едва двигался, едва ронялъ слова, и часто не тѣ, которыя хотѣлъ произнести.

Не бодрѣе Зевса были и другіе обитатели Олимпа—отжившія тѣни славнаго времени.

Больше жизни еще казалось было въ Аполлонѣ, но и то не естественной, здоровой и сильной жизни прекраснаго бога, а жизни стараго, износившагося развратника, подогрѣтой дешевымъ греческимъ виномъ, которымъ люди замѣнили ему нектаръ.

И въ Венерѣ.

По крайней мѣрѣ, ихъ фигуры, несмотря на ясно обозначенные признаки разрушенія, были прямы и благородны.

Вмѣсто просторной тоги, узкій корсажъ облекалъ божественныя формы міровой красавицы.

Уступая времени эти формы значительно сократились, линіи вытянулись, упругости смѣнились дряблостями. Волосомъ и ватой были мѣстами замѣнены, прежде такія богатыя массы божественнаго тѣла.

Шиньонъ, порыжѣвшій отъ времени, стянулся, и изъ подъ него кое-гдѣ выглядывали отдѣльныя, предательскія, серебристыя прядки.

Эмалевая маска поддерживала свѣжесть лица искусственно и грубо.....

Утомленнымъ взглядомъ смотрѣли боги на всесвѣтное зрѣлище, на предстоящее великое зрѣлище открытой борьбы человѣка со стихіей.

И только изрѣдка вспыхивала въ немъ похотливая искорка всегдашней, вѣковой вражды къ человѣку. Надежда увидѣть новое человѣческое страданіе, новое униженіе, возобновить настроеніе Сизифовой или Прометеевой пытки.

Вспыхивали и гасли.

И опять вспыхивали блѣднымъ желаніемъ, чтобы полымя, поддерживаемое хотя и не ими, а свергнувшими ихъ кумирами, ихъ торжествущими врагами, но все-таки кумирами, великими богами, а не ничтожными смертными людьми—побѣдило.

4

Безстрастно и презрительно было лицо индусскаго божества, съ неприступныхъ высотъ Тибета смотрѣвшаго на жалкій міръ.

Время не коснулось его.

То же спокойствіе, та же невозмутимость, почти граничащая съ жестокостью.

Не все ли ему равно—кто побѣдитъ въ этой безполезной, глубоко безсмысленной, какъ ему казалось борьбѣ?

Новыя ли жизненныя начала или отжившія формы.

Не стоило поднимать завѣсу.

Онъ давно свыкся съ мыслью о всякихъ возможностяхъ.

Давно не дѣлаетъ разницы между радостью и скорбью, между страданьемъ и наслажденіемъ.

Безразличенъ и непонятенъ для него и вопросъ о возможности собственной гибели. Развѣ онъ не стоитъ внѣ жизни?

Больной отщепенецъ, безстрастный трупъ на яркомъ и без-

прерывномъ, полномъ сверкающихъ страстей жизненномъ праздникѣ!

Безучастными и желтыми трупами глядѣли и суровые, скалистыя, голыя вершины Тибета.

5.

И только Араратъ жилъ.

Судорожно вздрагивала почва богатой оливковыми и кипарисовыми рощами, разубранной горы.

Подземные толчки—грозные и предупреждающіе, смѣнялись безпрестанными погромыхиваніями въ окутавшихъ вершину облакахъ.

И въ бѣлой одеждѣ, озаренной молніями, окруженной ангелами, Іегова, созданіе мечты, трусливый вымыселъ человѣческаго раболѣпія, появился въ блескѣ своего проходящаго царства.

Сѣдое лицо дышало и гнѣвомъ, и изумленіемъ.

Какъ? Такъ скоро!

Его Адамъ, рабъ, позорно выгнанный имъ изъ рая, за дерзновеніе и непокорность приговоренный къ вѣковому тяжелому труду, окончилъ свой трудъ и возсталъ?

Возсталъ во всеоружіи знанія и мудрости, добра и зла, возсталъ противъ него—своего владыки?

Пришелъ взять свое?

Іегова зналъ, что это будетъ такъ, онъ самъ обѣщалъ ему возрожденіе, самъ предрекъ ему, черезъ сѣмя жены, избавленіе отъ длительнаго рабства нищеты и незнанія.

Но...

Онъ не ожидалъ, что избавленіе, что обѣщанный мессія появится такъ скоро, что такъ скоро придется уступить ему царственный жезлъ.

Что-же, да сбудется... если онъ дѣйствительно готовъ.

Но раньше—пусть потушитъ пламя.

А можетъ не потушитъ еще?

Нѣтъ, пускай потушитъ.

И грозный властелинъ колебался, въ какую сторону направить свое желаніе—въ сторону ли возрожденія человѣка, его разумнаго созданія, носителя его души, или въ сторону неосмысленнаго огненнаго звѣря, какъ будто отъ этого зависѣлъ тотъ или иной исходъ роковой борьбы.....

А минуты борьбы наступали сами собой, внѣ чьей бы то ни было воли, кромѣ единой, свободной воли, идущаго навстрѣчу полымю человѣка.

Тревогой угасающей тѣни, трепетнымъ колыханіемъ поблекшаго ландыша одѣлась земля.

Блѣдной пеленойустлалась...

Черные демоны вышли изъ предысподней, въ предчувствіи надвигавшагося ужаснаго и огромнаго.

Смотрѣли дико, и въ страхѣ стучали лошадиными зубами, ожидая своей гибели.

Подличали изъ страха.

Смѣялись въ лицо человѣку, говоря—мы смѣемся надъ безсиліемъ полымя и радуемся твоей побѣдѣ.

И, отворачиваясь къ полымю, также смѣялись, выражая ему сочувствіе и желая показать насмѣшку по отношенію къ ненавистному человѣку.

Рыбы оставили водяныя жилища и собрались по краямъ окутавшей землю пелены.

Гады проползли, громыхая узорными чешуями.

Изъ лѣсовъ прибѣжали звѣри.

Птицы слетѣлись со всего свѣта, долго парили въ воздухѣ, описывая кругъ за кругомъ, притаились въ одной темной безконечной стаѣ и трепетно шевелили крыльями.

— Знамя!

Скорѣе знамя!

— Но знамени нѣтъ.

Только тѣнь твоя растетъ и застилаетъ полымя.

Но, и прикрытое тѣнью, оно не менѣе ярко и смертоносно.

Жжетъ и опустошаетъ.

И надвигается, надвигается.....

Люди собираются толпою. Стадо, стадо бѣжитъ къ тебѣ.

Ничего, не презирай его.

Вѣковыми усиліями оно породило тебя и пришло смотрѣть на торжество своего дѣтища.

Да, ты его дѣтище.

Оно родило тебя.

Оно, однимъ гиганскимъ дѣломъ, искупило всѣ свои вины мыла невинную кровь пророковъ, побитыхъ камнями, мучениковъ, сожженныхъ на кострахъ, сгноенныхъ въ казематахъ провозвѣстниковъ свободнаго человѣческаго генія: оно породило тебя.

Ты сынъ его. Примирись съ нимъ.

Оно пришло смотрѣть на тебя.

Оно вѣритъ въ тебя.

Снизойди къ нему.

Снизойди къ стаду!.....

Ближе и ближе чудовищный огонь. Уже острые языки касаются тебя.

Вернись! Вернись! Ты погибнешь!

Вернись въ стадо.

Смотри—оно готово уже бѣжать, оно усомнилось въ тебѣ.

Бѣги со стадомъ!

Полымя надвигается.

Ты безумный. Ты стоишь передъ нимъ, какъ будто бы оно вовсе не грозило тебѣ.

Ты не уходишь.

Напротивъ, ты еще самъ направляешься къ роковому костру.

Ты... погибъ!

Земля и небо, вѣтры и молніи, солнце и звѣзды, звѣри и птицы, пресмыкающіяся и насѣкомыя, деревья и цвѣты, радости счастья и ужасы безмѣрныхъ терзаній, свѣтлые жемчужины дня и черныя изумруды ночи, отчаянный стонъ и веселая пѣсня, грозное слово и ласкающая музыка—все слилось въ одно, все образовало одну безпросвѣтную, кипучую массу, все кричитъ, стонетъ и хохочетъ безумными голосами, зоветъ на помощь, молитъ о пощадѣ, требуетъ рокового возмездія.

Возмездіе близко.

И, мало-по-малу, всѣ нестройные вопли сливаются въ одинъ страстный и мелодичный напѣвъ, громкій и торжественный, поражающій новизной своихъ красокъ, чарующей гаммой едва обоняемыхъ, мягкихъ благоуханій.

До сихъ поръ неслыханный, человѣческой силой рожденный и вызванный къ жизни гимнъ, побѣдившему человѣку.

Ты погибъ?

Ты побѣдилъ!

Да, побѣдилъ.

Знакомый съ физическимъ строеніемъ полымя, со всѣми образовывавшими его элементами, зажигавшій и гасившій тысячи однородныхъ огней въ своей лабораторіи—ты спокойно подошелъ къ нему и положилъ конецъ его разрушительной силѣ.

Умирая, оно вздрогнуло—жалкое и безпомощное, и трепетный слѣдъ его исчезъ въ вѣчности.

Безсмертные боги ринулись внизъ со своихъ высотъ. Опустѣли недоступныя вершины Тибетскихъ горъ, Олимпа и Арарата.

Погасли огни на горахъ, а куполъ неба сталъ теменъ и навсегда затянулъ ихъ своимъ кубовымъ пологомъ.

7.

— Я дышу.

Я становлюсь на ноги.

Гдѣ тяжесть, давившая меня? Гдѣ цѣпи, меня сковавшія?

Я бѣгу къ тебѣ, мое свободное, мое всепобѣждающее я.

Вѣтеръ жжетъ меня, благоуханный амарилисъ радостно открываетъ свое глубокое бархатистое влагалище, пунцовыя губы словно ждутъ полѣлуевъ.

Нѣтъ преградъ, нѣтъ больше грубаго насилія естественныхъ законовъ!

Я бѣгу къ тебѣ, мое я, и въ страстномъ, томительно-страстномъ порывѣ мы теряемся другъ въ другѣ и, теряясь, другъ друга пополняемъ.

Опять одно, опять одно нераздѣльно-великое.

8.

Но впередъ! Впередъ!

Тамъ гдѣ-то, въ невѣдомыхъ даляхъ міра, въ его клокочущемъ жизнью ядрѣ, есть мудрый властелинъ вселенной. Его велѣнія непостижимы для человѣческаго разума, и къ нему нѣтъ доступа.

Онъ не имѣетъ опредѣленнаго имени, ему не служатъ въ храмахъ, ему не приносятъ жертвъ и въ его честь не учреждено никакого культа.

И широкая толпа не говоритъ о немъ.

О немъ сложили легенду нѣсколько избранныхъ. Его чувствуютъ многіе философы, о немъ догадываются нѣкоторые ученые. Тѣ же рабы, тѣ же дѣти, еще окончательно не выродившагося четырехрукаго праотца.

Исподлившееся человѣчество.

Одни открыто пропагандируютъ его, другіе скромно, какъ бы стѣсняясь своей мудрой прозорливости.

Что-же, я пойду къ нему!

Освободите мнѣ путь.

9.

Путь открытъ.

По мягкимъ электрическимъ волнамъ мірового эфира плыветъ моя маленькая ладья.

Вооруженному знаніемъ, изучившему сущность атмосферическихъ явленій, владѣющему полетомъ—всѣ уголки міра мнѣ доступны.

Въ нѣдра земли и изъ нихъ, вверхъ, вокругъ ея огромнаго шара, къ другимъ небеснымъ тѣламъ, сквозь ихъ твердыя и жидкія массы, отъ ближняго солнца къ дальнему несусь я—свободный и сильный.

Гдѣ же ты, робко угадываемый, всесвѣтный властитель?

Быть можетъ тамъ, за невѣдомой гранью безчисленныхъ эфирныхъ морей, въ величайшемъ изъ безвоздушныхъ пространствъ, въ океанѣ пустоты и безмѣрности раскинуто твое царство?

Что-же, и туда я могу.

Въ маленькомъ пузырькѣ у меня собрано достаточно сгущеннаго воздуха, я могу свободно дышать имъ десятки лѣтъ.

И я выплываю за невѣдомую грань.

10.

Стѣны недоступнаго чертога сотканы изъ тонкихъ золотыхъ нитей.

Тѣсно скрещиваются паутинныя проволоки, образуютъ слож-

ные и затѣйливые узоры, томятъ неразгаданностью. И въ окнахъ витыя и неровныя стекла, и въ дверяхъ.

Точно тысячи разнообразныхъ узловъ сложены вмѣстѣ, плотно соединены, спаены въ одну хрустальную массу—прозрачную и непроницаемую.

Чертогъ озаренъ.

Сверкающимъ облакомъ таинственнаго наполнены его неприступныя стѣны, и онорѣетъ въ нихъ—невидимое, невидимостью своей и страша, и привлекая.

Ряды склоненныхъ человѣческихъ головъ окружаютъ чертогъ.

Человѣческія спины согнуы, колѣна опущены.

Человѣческіе голоса нѣмы, а гордыя, божественнымъ огнемъ зажженныя души безпомощны и ничтожны передъ величіемъ непонимаемаго.

И оно одно царитъ въ замкѣ и надъ нимъ, и возлѣ него, и дальше, на необъятныхъ пространствахъ земли, пользуясь временнымъ убожествомъ человѣческой мысли.

Въ немъ содержаніе и направленіе всеобъемлющей жизни, великій руководитель вселенной. Въ немъ тотъ, до кого не можетъ подняться мечта.

Его жаждутъ видѣть милліоны, постичь его хотятъ тысячи людей.

Стучатся къ нему, призываютъ его, ищутъ его милости, удивляются его величію и падаютъ передъ нимъ—неуслышанные и одинокіе.

Бѣдные земляные черви, копающіеся въ своей земляной грязи, безпомощно барахтающіеся въ зловонной тинѣ стоячаго пруда, подъ желѣзнымъ остріемъ тяжелаго, мучительнаго, а на самомъ дѣлѣ стараго и уже рѣшеннаго вопроса—гдѣ цѣль?

Дайте мнѣ мечъ. Я разрублю стѣны чертога и покажу вамъ его.

Его?

Вы удивляетесь.

Да, его!

Съ торжественнымъ пѣніемъ сорокаструнной скрипки подошелъ ко мнѣ вѣщій посланникъ земли.

И подалъ мнѣ острый, чистый и сверкающій мечъ.

Я прочелъ на рукоятке меча ослѣпляющей молніей выжженные знаки—въ началѣ было слово—и взялъ его въ руку.

Буквы горѣли въ моей рукѣ и жгли мнѣ обнаженную ладонь.

Но боли я не испытывалъ.

Только мозгъ загорался ярче, и мысль становилась острѣе и увѣреннѣе.

Я подошелъ къ одной изъ дверей чертога и позвалъ.

Позвалъ его.

Мнѣ не отвѣтили.

Я позвалъ еще.

И мнѣ еще и еще не отвѣтили.

Тогда, облеченный блескомъ и опытомъ знанія, возвышенный мудрымъ постиженіемъ самого себя, сильный непреклоннымъ хотѣніемъ свободной воли, закаленный кропотливой работой и омытый въ духовномъ поту—я положилъ мечъ и принялся медленно распутывать сложныя сплетенія заколдованныхъ дверей.

Я развязывалъ всѣ нити стѣнъ и наматывалъ ихъ на большіе клубки и, мало-по-малу, обнажалъ внутренность замка.

Открывались и падали одна а другой вѣковыя картины, созданныя ищущимъ и мятущимся духомъ перворазряднаго человѣка. Образы міровыхъ кумировъ, поочередно, подолгу господствовавшихъ надъ человѣческой жизнью.

Грозные идолы, поражающіе своей грубостью и безобразіемъ съ жадными лицами, съ раскаленными языками.

Сверкающіе красотой и пропорціональностью формъ роскош-

ныя статуи олимпійскихъ боговъ, фантастическіе рисунки безтѣлесныхъ духовъ, облеченныхъ властью и добродѣтелями.

Обожественные образы отдѣльныхъ людей.

Все—заслонявшее чистую, всесвѣтную идею единаго божества, гиганта-міродержца, движущагося и движущаго мірами по одному ему доступнымъ законамъ.

Но вотъ и она обнажена—привлекавшая мудрыхъ идея.

Маленькая, сморщенная старушонка, съ дряблымъ обвисшимъ тѣломъ, на которомъ, какъ толстые синіе шнуры, переплелись склеризованные сосуды.

Хитрая старушонка, съ краснымъ огромнымъ носомъ, съ черненькими глазками—лживыми и насмѣшливыми.

Я безъ всякаго труда отдѣлилъ раздутыя жилы, наполненныя больной, сгустившеюся кровью, отъ одряхлѣвшагося мяса и намоталъ на тотъ же клубокъ, распутанныхъ мною жизненныхъ нитей.

Потомъ ударилъ по ней мечомъ, поданнымъ мнѣ свѣтозарнымъ, смугловолосымъ предвозвѣстникомъ новаго царства, и она распалась, какъ прахъ, какъ мечта, которою и была на самомъ дѣлѣ.

Отъ прикосновенія остраго и трезваго слова распалась мечта—грозное и могущественное царство, и его царь, и его тронъ, такіе же плоды человѣческаго воображенія, туманные образы приниженнаго мозга, неспособнаго и боящагося мыслить самостоятельно, требущаго во что бы то ни стало сторонняго водительства, указки или кнута.

Смотрите на меня!

Я стою между вами—первый властитель новаго міра.

Моя одежда ярка, и солнечные цвѣты вѣнчаютъ мою голову.

Спокойствіе и удовлетворенность въ моихъ глазахъ.

Я не боюсь, не волнуюсь, потому что мнѣ больше не изъ за чего волноваться.

Человѣкъ—я покорилъ міръ. Я обрѣлъ все и все отдалъ человѣчеству.

Меня смущала неудовлетворительность жизненнаго устройства, безпомощность человѣка передъ случайными явленіями стихіи—хрупкая и распадающаяся организація его тѣла.

Не нравилась мнѣ и, въ зависимости отъ случайности стихійныхъ явленій создавшаяся, несправедливость внутренняго общественнаго уклада человѣческой жизни, превращающая высшее наслажденіе въ грубую борьбу изъ за куска хлѣба, вынуждающая людей другъ друга тѣснить и насиловать.

Отнынѣ этого не будетъ.

Въ разумной человѣческой волѣ сосредоточатся силы природы, и человѣкъ направитъ ихъ по собственному своему усмотрѣнію.

Ужасы голода покажутся сказкой, страданіе и смерть отойдутъ въ область преданій.

Послушный и гладкій лежитъ въ моихъ рукахъ клубокъ жизни.

Всѣ нити уложены правильными перекрестными рядами.

Я затянулъ клубокъ, и жизнь остановилась.

Развязалъ, разбросилъ въ желательныхъ мнѣ направленіяхъ нити—и бурно, и разообразно ожилъ жизненный потокъ.

Теплота и энергія лежатъ въ основѣ міра, и я овладѣлъ ихъ таинственной сущностью.

Мой маленькій физическій аппаратъ способенъ выдѣлять въ самое короткое время любое количество энергіи.

Легко и быстро я могу разрушать каждое сочетаніе атомовъ, освобождать заключенные въ нихъ электроны и, освобожденные, снова возсоединять, призывать къ индивидуальной жизни въ любыхъ, желательныхъ мнѣ комбинаціяхъ.

Старыя формы распадаются и образуются новыя, согласно моимъ разумнымъ творческимъ предначертаніямъ.

Все совершеннѣе и совершеннѣе становится лицо міра, и всезнающій человѣкъ является его единымъ господиномъ, творцомъ и промыслителемъ, улучшая и приспосабливая міровое зданіе для своихъ удобствъ и радостей.

Тайна творчества уже не составляетъ для него тайны.

ПЛОДЫ ПОБѢДЫ.

I.

Мой царственный, мой бѣлый шатеръ необъятенъ.

Нѣтъ стѣнъ, нѣтъ остріевъ, нѣтъ граней.

Благоуханный, прозрачный воздухъ и, дальше, прозрачныя дымки облаковъ—нѣжныя и туманныя.

На шести столпахъ укрѣпленъ шатеръ.

Не аляповатыя глыбы малахита, не приторный мраморъ Каррары...

Изъ тонкихъ, блестящихъ сѣточекъ млечнаго пути сотканъ одинъ столпъ. Другой—изъ сверкающихъ лентъ радуги.

Ночныя, сладкія ароматныя испаренія лѣсныхъ цвѣтовъ образуютъ третій.

Пылающая лава земного нутра заключена въ четвертомъ столпѣ, и свѣтитъ, и фосфорится сквозь его прозрачныя стѣнки.

Мозаикой сложныхъ человѣческихъ чувствъ обработанъ мрачный шифръ пятаго столпа: лѣнивая нѣга любовной радости граничитъ съ безстрашной готовностью жертвы, тихая ласка—съ сладострастными болями, подвигъ—съ безумiемъ, и чувственный экстазъ—съ разумнымъ волевымъ хотѣнiемъ.

Міровыя страданія собраны и заключены въ шестомъ столпѣ.

Изъ крѣпкой стали выкованы непроницаемыя его стѣны, въ тяжелую броню облечены, блиндированы. Неприступными замками сжаты маленькія дверцы полаго столпа, узкими кольцами

сдавлены, запаены нерастворимыми сплавами и длинными гвоздями забиты, чтобы не могъ выйти наружу трупный запахъ истлѣвающихъ человѣческихъ мукъ.

Сорокъ мужей въ свѣтлыхъ и легкихъ одеждахъ размѣстились вокругъ столповъ.

Сорокъ предтечей, сорокъ глашатаевъ моего царственнаго прихода.

У каждаго въ рукахъ по большой книгѣ съ разными надписями на разныхъ переплетахъ.

Вотъ важнѣйшія изъ нихъ:

— Царствіе Божіе на землѣ.

Юноша съ вдохновенными и страдальческими глазами, въ свободной греческой туникѣ, высоко держалъ надъ головой простую кожаную книгу.

— Оно внутри насъ, огненными буквами пылала четкая надпись на тисненомъ золотомъ переплетѣ.

Сгорбленный старикъ, убѣленный сѣдиной, съ упорнымъ, фанатическимъ вдохновеніемъ въ небольшихъ и пронизывающихъ глазахъ смотрѣлъ изъ за него. Силой отреченія и молодой вѣрой въ добро горѣли эти глаза.

— Его нѣтъ. Ужасъ и отчаянье удѣлъ человѣчества.

— Небытіе.

— Сліяніе съ матеріей.

— Красота! Въ красотѣ спасеніе.

— Борьба за существованіе. Половой подборъ.

Безостановочно, порой полусознательно, шли великіе по пути истины, въ отдѣльныхъ проявленіяхъ ея видя конечную задачу. И чудодѣйственно объединились эти отдѣльныя достиженія въ одно огромное цѣлое.

— Въ благополучіи ближняго.

— Въ матеріальномъ равенствѣ.

— Оно будетъ! Счастье будетъ! Счастье будетъ!

Съ одухотвореннымъ лицомъ, съ головой гнома на тонкомъ

чахоточномъ туловищѣ, съ свѣтлой, чарующей улыбкой повторялъ одинъ изъ пророковъ:

— Счастіе будетъ.

И въ отвѣтъ ему, изъ мрачнаго сырого подвала, изъ чернаго прорыва холодной крутой лѣстницы, звучалъ другой—глухой голосъ:

— Раньше сорви красный цвѣтокъ.

— Человѣкъ—звѣрь.

— Человѣкъ рабъ.

— Неумолимы и безпощадны законы судьбы.

— Малярія! Малярія!..

— Сверхчеловѣкъ.

На огромномъ золотомъ щитѣ, живыя двигались гигантскія красныя буквы:

— Сверхчеловѣкъ.

Цѣлой головой выше всего окружающаго, на величественныхъ ходуляхъ, съ сверкающимъ священнымъ безуміемъ взоромъ, поднялся надъ толпой величайшій изъ мудрецовъ; гордо закинулъ львиную голову, смѣлыми руками схватился за шестой изъ столповъ, подпирающихъ шатеръ. Свѣтлый предвозвѣстникъ мірового владыки! Онъ смутно почувствовалъ силу человѣка; сверхчеловѣка предрекъ падающему духомъ міру, только не смогъ осмыслить его назначенія. Чувствуя его инстиктивно, не могъ путемъ критическаго анализа оформить подавляющую хаотической огромностью мысль, воплотить ее въ реальный и неизмѣнный образъ.

И все-таки заслуга его передъ человѣчествомъ безгранична.....

Поотдаль сорока великихъ мужей стали второстепенные и третьестепенные пророки и учители человѣчества.

Стали мученики правды жизни, радѣтели истины, искатели свѣтлыхъ и безначальныхъ путей добра и красоты міра.

Яркія молніи озаряли ихъ торжествующія лица, и дивнымъ свѣтомъ лучились непорочные взоры.

Чистые служители искусствъ и науки, гордые властители думъ и кроткіе братья страждущаго ближняго, многострадальную жизнь свою положившіе за свѣтлую идею всечеловѣческаго блаженства.

За ними, безпорядочной гурьбою, расположилось остальное человѣчество. Стадо—помыкаемое, безпомощное, съ злыми инстинктами, съ добрыми побужденіями, слѣпое, плохо разбирающееся въ понятіяхъ прекраснаго и преступнаго, уродливаго и совершеннаго.

Постылое и дорогое стадо.

Близкое душѣ моей стадо людское.

И—еще дальше, робкіе и приниженные, уничтоженные свѣтомъ проснувшагося сознанья, стали когда-то грозные и властные погонщики стада—помыкатели, ведшіе его по своимъ эгоистическимъ путямъ, оберегавшіе отъ него широкое поле знанія, и голодъ и невѣжество его использовавшіе для своихъ личныхъ, временныхъ и проходящихъ выгодъ. Учившіе его тьмѣ и направлявшіе его противъ учителей истины.

Предатели и, все-таки, люди.

Вами рожденный, вами взлелѣянный, среди васъ я возсяду свѣтлый и гордый человѣкъ, человѣкъ—властелинъ, человѣкъ—міродержецъ.

Посреди шатра, на мягкихъ подушкахъ изъ нѣжныхъ и благоуханныхъ цвѣточныхъ лепестковъ, въ облакахъ ароматнаго дыма и славословящихъ мелодій уготованъ мнѣ тронъ.

Геній земли шестьюста-сильными руками поддерживаетъ его устои.

Отсюда я скажу вамъ свое слово.....

Мое слово.

Человѣкъ, человѣкомъ рожденный, я покорилъ міръ человѣку и отнынѣ передаю его вамъ.

Великъ и разнообразенъ міръ, но еще больше, многограннѣе я—его часть и его цѣлое, овладѣвшій имъ и положившій его къ своимъ ногамъ. Мое отнынѣ царство, мой тронъ, мой скипетръ и моя держава.

Изъ одной руки въ другую я перекидываю тебѣ, огненный шаръ земли, и опять возвращаю обратно на твое обычное мѣсто, роняю внизъ и подрбасываю кверху. Я властелинъ.

Отнынѣ вся вселенная, всѣ міровыя сферы, небесныя тѣла, и земля съ ея богатой природой, съ ея ночью и днемъ, ея поверхностью и нѣдрами подчиняется единой человѣческой волѣ.

Человѣкъ проникъ въ сущность творчества, позналъ строеніе міра и, всесильный и всезнающій, направляетъ руль жизни по своему усмотрѣнію.

Всѣ измѣненія жизненныхъ процессовъ совершаются по его всепредусматривающему закону. Естественные законы для него необязательны; онъ измѣняетъ и совершенствуетъ ихъ, согласно своимъ разумнымъ желаніямъ.

Солнце недостаточно ярко свѣтило, неравномѣрно распредѣлялись его свѣтъ и тепло между разными частями земли. Я измѣнилъ это несовершенство, и теперь одинаково богата стала природа во всѣхъ странахъ земли, начиная полюсомъ и кончая экваторомъ, и люди не вынуждены больше уродливыми одеждами скрывать изящную наготу тѣла. Мнѣ не нравилось распредѣленіе нѣкоторыхъ планетъ въ міровомъ пространствѣ, и я передвинулъ ихъ, причемъ въ атмосферѣ не произошло никакихъ колебеній, и остальныя небесныя тѣла оставались въ покоѣ и равновѣсіи.

Большинство людей были голодны и, вмѣсто того, чтобы наслаждаться радостями жизни, вели тяжелую борьбу изъ-за хлѣба; свободный духъ и красивое тѣло угнетали рабьимъ трудомъ.

Я упразднилъ эту аномалію, сдѣлавъ тѣла ихъ способными черезъ кожу воспринимать питательныя вещества изъ воздуха. Погоня за хлѣбомъ не стала болѣе цѣлью человѣческой жизни:

онъ сталъ не нуженъ. Сами собой пали и необходимость чернаго труда, и его денежная расцѣнка; и сами деньги потеряли смыслъ, потому что сытый человѣкъ не нуждался въ нихъ, какъ въ средствѣ покупки питанія.

Пали кумиры власти и роскоши: вопли голодныхъ не поддерживали ихъ.

Человѣческое тѣло было слабо и болѣзненно. Постоянный страхъ физической смерти стѣснялъ каждое свободное проявленіе могучаго духа.

Я измѣнилъ его внутреннее строеніе, сдѣлалъ его сильнымъ и несокрушимымъ, и, безвредное и смѣшное, скользитъ по немъ, когда-то страшное, жало смерти.

Но въ созданномъ мною еще нѣтъ предѣла творящей человѣческой мысли. Въ новыхъ и новыхъ, все болѣе изощренныхъ формахъ проявляетъ она себя, ничѣмъ неограниченная, никѣмъ не стѣсненная.....

Мой царственный, мой бѣлый шатеръ необъятенъ.

Нѣтъ стѣнъ, нѣтъ остріевъ, нѣтъ граней.

Войдите въ него всѣ, всѣ дѣти человѣчества.

Онъ необъятенъ. Въ немъ нѣтъ ни стѣнъ, ни остріевъ, ни граней.

Войдите и примите мудрость мою, и власть мою, и силу мою, и державу.

Войдите и правьте міромъ. Вы стоите у цѣли.

Въ свободномъ, непрерывномъ творчествѣ заключается отнынѣ цѣль вашей жизни.

Освобожденные отъ физическаго рабства и смерти—свободно совершенствуйте и укрѣпляйте вашъ духъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Введеніе 3

Полымя 5

Я 12

Первые роды 17

Побѣда 24

Плоды побѣды 42

ТОГО ЖЕ АВТОРА.

ЗА ИДЕЮ—первая книга разсказовъ (Изд. разошлось).

ИРА—вторая книга разсказовъ. 2-ое изданіе . . . . 1 р.

ВОЙНА . . . . . 60 к.

ПРОРОКЪ . . . . . 1 р. 50 к.

Во всѣхъ кн. магаз. Складъ изданій при конторѣ журн. ЖАТВА—Москва, Арбатъ, 18.